

Леон Лесвет

Орбитальный саботаж

18+

Леон Лесвет

Орбитальный саботаж

<https://litres.ru/74135059>

SelfPub; 2026

Аннотация

Борис Зубов – не просто скромный курьер с Невского проспекта. Под этой вывеской скрывается агент Департамента исследований, выполняющий самые деликатные поручения правительства. Его новое задание на астероиде Веста выглядит как банальная халтура: приглядеть за восемнадцатилетней Стефанией, строптивой дочерью космического магната Любомирского. Но девчонка – настоящее стихийное бедствие с пугающим даром манипуляции массами.

Пока Стеф виртуозно ускользает от слежки, Борису предстоит распутать куда более опасный узел. Кто-то методично саботирует создание экспериментальных орбитальных станций «Ф-РОС», сводя с ума их искусственный интеллект. Девятая модификация, ласково названная «Фросей», готова к полету, а Борису придется сыграть на опережение в глухих металлических туннелях астероида, где сигналы связи гаснут, а ставки растут с каждой минутой.

Леон Лесвет

Орбитальный саботаж

ОРБИТАЛЬНЫЙ САБОТАЖ

1

Бортовой журнал «Ф–РОС–9»

Имя «Ф–РОС–9» для космической станции – это, скорее всего, результат полного отсутствия воображения у тех, кто отвечает за подобные проекты. Государственные чиновники, управляющие созданием орбитальных комплексов, обычно далеки от творческого подхода, предпочитая сухие и официальные названия. Редким исключением из этого правила, пожалуй, является китайская «Тяньгун». В китайской мифологии это «Небесный дворец» — дом верховного бога Тянь Ди, правящего небесами.

В большинстве же случаев, руководители искренне верят, что солидность названия является залогом успеха.

Эта станция получила такое обозначение благодаря своему экспериментальному фотонному двигателю, что автоматически отнесло ее к проектному классу «Ф». К тому же, это была первая полностью функционирующая модель, оснащенная главным управляющим модулем. В итоге, в Национальном космическом центре ей было присвоено это несколько безликое кодовое имя – Ф–РОС–9 (фотонная российская орбитальная станция, девятая в серии). Признаться,

первые восемь версий этой станции были настолько несовершенны, что их системные ошибки и сбои можно было сравнить с сюжетом плохого ситкома: каждый эпизод – новая катастрофа, и все герои только и делают, что её устраняют.

Поэтому один из младших научных сотрудников – ещё один неизвестный гений – в шутку дал станции прозвище «Ф–РОСя». Конечно, это имя не было официальным, но прочно прижилось.

Следующим логичным шагом для руководства стал поиск пилота, который согласился бы испытать этот аппарат. Им нужен был уникальный специалист: чрезвычайно сообразительный, физически выносливый, с нестандартным мышлением и множеством других ценных качеств. В корпорации мечтали, чтобы их разработка попала в руки мега профессионала, хотя в глубине души понимали, что, скорее всего, придется довольствоваться кем–то попроще. Роскосмосу потребовались месяцы строгого отбора, чтобы выбрать подходящего испытателя.

А вы, наверное, думаете: а я–то тут причем? Да все просто: я эту станцию приватизировал, так что она моя.

2

Я не думаю, что Святослав Любомирский – человек, способный завоевать всеобщую любовь. В этом, признаюсь, я очень похож на большинство людей, если не на всех. Во–первых, само имя «Святослав» кажется мне неуместным для

мужчины в современном мире. Оно звучит так, будто он только что сошел со страниц былины и готов исполнить ее. На его фоне привычные «Андрей», «Сергей» или «Владимир» выглядят куда более приземленными и понятными, будто они принадлежат к другому, более привычному миру. И это лишь верхушка айсберга моих претензий.

Что касается его владения астероидом в Поясе астероидов, то это был небольшой кусок никелевого сплава, размером с небольшую гору. Гравитация там была настолько слабой, что для человека, страдающего от космической болезни, она была бы бесполезна, как анальгин для приговоренного к гильотине. Ты чувствуешь, что под ногами есть поверхность, но при этом осознаешь ее хрупкость и ненадежность – она постоянно норовит выскользнуть из-под тебя.

3

Мой спиннер мягко опустился на обширную площадку, и я обвел взглядом окрестности, не питая особых надежд на зрелище. Ожидания оправдались. Пространство, раскинувшееся передо мной, было размером с футбольное поле – гладкая, отполированная до блеска поверхность, вырезанная из самого никелевого сплава астероида. Это место служило не только для посадки, но и как гигантское зеркало, ловящее и отражающее солнечные лучи, пока астероид неспешно вращался. Я нацелился на этот сверкающий ориентир и теперь, словно всадник, восседал на нем.

Вокруг не было ни души – пустое пространство прости-ралось во все стороны. В самом дальнем углу прямоуголь-ного поля выделялся одинокий купол – полусфера с диамет-ром около десяти метров и высотой, равной половине этого размера. Больше ничего не привлекало внимания. Я глубоко вздохнул, активировал магнитный якорь, который надежно схватился за металлическую поверхность подо мной, удерживая спиннер неподвижно.

Затем заглушил двигатель, подключил телефон и набрал «местную линию». Автоматический искатель быстро отыс-кал сигнал «Резиденции Л–Никель» и подал звуковой сигнал в ответ по тому же каналу.

Я терпеливо ждал, пока аппарат издаст свои два коротких сигнала. Наконец, они прозвучали, и в трубке раздался го-лос:

– Резиденция «Л–Никель», слушаем вас.

– Это Борис Зубов, – отчеканил я. – Мне необходимо по-говорить с господином Любомирским.

– Господин Зубов, – вежливо отозвался голос, – ваш визит ожидали завтра.

Я решил настоять:

– Замечательно, я прибыл раньше. Соедините меня с гос-подином Любомирским.

Но мне тут же возразили:

– Но господин Любомирский не предполагал вашего ви-зита сегодня...

Внезапно меня охватил гнев и мое терпение лопнуло.

– Неужели ваши приборы настолько примитивны, что не смогли засечь меня за последние полчаса? Я действовал согласно инструкции Любомирского о неиспользовании связи, но он, в свою очередь, должен был быть осведомлен о моем присутствии. Он требовал максимальной оперативности, и я выполнял его указания. От моего выполнения инструкций напрямую зависит его личная финансовая выгоды. Я прибыл. Передайте господину Любомирскому мое требование о немедленной встрече. В противном случае, я буду вынужден вернуться на Ганимед, оставив ему в качестве «компенсации» сотрудницу, которая не принесла ему никакой пользы, но обеспечила мне неустойку дополнительный вызов.

– Пожалуйста, минутку, – попросил голос.

Прошло около полутора минут, что, по моим меркам, было на целую вечность дольше, чем следовало бы.

Наконец линия ожила, и раздался другой голос:

– Зубов? Я ждал вас только завтра.

– Вот и я так планировал, – отозвался я. – Но мне показалось, вы чрезвычайно спешите. Но если я ошибся, можете прямо сейчас организовать мне полный пансион до утра: приличный ужин и прочие радости жизни. Разумеется, за ваш счет и сверх оговоренного гонорара. Вы ведь тратите моё драгоценное время, в то время как я ваше – очевидно нет.

Я не был уверен, был ли звук, который он издал, ворчани-

ем или приглушенным смешком, но мне было все равно.

– Извините, Борис; я действительно не ожидал вас так скоро, но я действительно хочу ... Я хочу, чтобы вы начали прямо сейчас. Оставьте свой спиннер там, где он есть; я распряжусь, чтобы техническая служба позаботилась о нём. Направляйтесь к центральному куполу и заходите внутрь.

И он замолчал. Связь оборвалась.

Я прорычал что-то невнятное, радуясь, что он этого не услышал, и отключил коммуникатор. Жаль, что мы говорили не по видеосвязи, я бы хотел увидеть его лицо. Хотя я понимал, что по выражению его лица я бы узнал не больше, чем по голосу.

4

Спустившись с транспортера спиннера, я двинулся вперед по металлической поверхности купола. Магнитные элементы моих ботинок издавали мягкие щелчки, притягиваясь к полу и отталкиваясь от него. По периметру, за прозрачной стеной, располагался неровный край видимого мира, а над ним простиралось черное небо, усеянное сверкающими, четкими звездами.

Приближаясь к выходу из купола, я заметил загоревшийся зеленый индикатор. Входные панели бесшумно разъехались передо мной и мгновенно закрылись, едва я переступил порог. После нажатия кнопки в помещение начали подавать воздух. Как только давление стабилизировалось, в полу от-

крылся люк, и в проеме показалась голова юноши с аккуратной короткой стрижкой и светлыми волосами.

– Борис Зубов? – прозвучал вопрос.

На мгновение я обдумал возможность ответить с долей иронии. Ведь кем еще я мог быть? И сколько еще незваных гостей могло бродить по территории резиденции «Л–Никель»?

В ответ я проронил:

– Да, всё верно.

Вероятно, шум вентиляции заглушал мои слова, делая голос едва различимым.

– Прошу вниз, господин Зубов. Скафандр можно будет снять внизу.

Мне показалось, что «внизу» – понятие весьма условное для объекта с такой низкой гравитацией, но я все же последовал за ним по ступеням. Лестница служила для ускорения передвижения; если бы я просто спрыгнул с одного яруса на другой, то приземлился бы лишь через месяц.

Входная панель над нами закрылась, и я услышал гул работающих насосов. Загудели компрессоры, откачивая воздух, и на торце переборки вспыхнул красный индикатор.

Сняв шлем и магнитные ботинки, я аккуратно повесил их в доступный отсек, демонстрируя, что под скафандром у меня лишь плотно прилегающий комбинезон.

– Не возражаете, если я останусь в нем? – уточнил я у блондина. – Или мне стоит поискать сменную одежду, вроде

смокинга и бабочки?

На большей части Пояса комбинезон – вполне приемлемый вариант. Никогда не знаешь, когда потребуются срочно облачиться в скафандр. Однако на Ганимеде, Весте и подобных цивилизованных станциях принято переодеваться в официальный костюм перед входом. А вот в Москве, в министерстве, помнится пару месяцев назад каких-то бедолаг оштрафовали за «непристойный вид». Хотя дело и закрыли, им еще повезло, что не попались в Санкт-Петербурге, там их точно арестовали бы. Выходит, для некоторых служителей закона вид комбинезона как красная тряпка для быка – моментально вызывает приступ ярости.

– Все в порядке, Борис, – приветливо сказал светловолосый молодой человек. Затем он вежливо кашлянул и добавил: – Но, боюсь, мне придется попросить вас убрать плазер.

Я взглянул на кобуру под мышкой, вернулся к шкафчику, открыл его и достал свой скафандр.

– Борис Зубов! – вскрикнул светловолосый молодой человек. – Вы куда собрались?

– Возвращаюсь на свой спиннер, – спокойно сказал я. – С меня хватит этих фокусов. Я профессионал, а не прислуга. Вызывая врача, вы же не требуете, чтобы он оставил свой медицинский саквояж за дверью? Приглашая адвоката, не лезете к нему в портфель с обыском? А если бы попробовали, вас бы просто послали подальше.

– Меня попросили приехать сюда как можно скорее, а ко-

гда я приехал, мне сказали подождать до завтра. Теперь вы хотите, чтобы я сдал свой плазер. Да пошли вы к черту.

– Это просто мера предосторожности, – обеспокоенно сказал молодой человек.

– Вы что, думаете, что я собираюсь застрелить Любомирского? Не будьте идиотами.

– Пойдите пожалуйста, господин Зубов, – послышался голос из незаметно установленного динамика.

Это говорил Любомирский, в его тоне звучали нотки извинения.

– Не обвиняйте Константина, это было мое личное распоряжение, и я не давал указаний Константину делать для вас какое-либо исключение. Ошибка полностью на мне.

– Принято, понятно, – ответил я. – Я и не думал обвинять Константина. Я даже не говорил с ним. Я обращался напрямую к вам.

– Я вам верю. Наш гость, Константин, одет в специальный комбинезон со встроенной кобурой для плазера. Я не вижу оснований требовать, чтобы он его снял, так как я ему доверяю.

Последовало молчание.

– Приношу вам свои извинения еще раз, господин Зубов. Я искренне заинтересован в том, чтобы вы согласились выполнить эту работу.

Я снова стал снимать скафандр.

– Однако, – невозмутимо продолжил Любомирский, – ес-

ли я вновь проявлю недостаточно такта, надеюсь, вы сможете простить меня заранее. Бывает, что я отличаюсь крайней рассеянностью, и мне не по душе, когда кто-то дважды за четверть часа грозитя уйти.

– Я еще не ваш сотрудник, господин Любомирский, – прервал я. – Если я приму ваше предложение, то не стану вновь пугать уходом, разве что буду к этому всерьез настроен, а для этого потребуются нечто большее, чем обычная невежливость. С другой стороны, ваше невежливое отношение – это, наверное, ваше обычное поведение.

– По крайней мере, за прямоту я вам признателен – произнес Любомирский. – Константин, проводите господина Зубова в мой кабинет.

Молодой человек со светлыми волосами без слов кивнул и вывел меня из помещения.

5

Ходьба в условиях низкой гравитации – это опыт, не имеющий аналогов во всей вселенной. Лунная гравитация, составляющая лишь одну шестую земной, почти неощутима. Невесомость же полностью лишает вас ориентиров, создавая иллюзию бесконечного падения, пока сознание не приспособится. Но астероид – это совершенно иная реальность.

Вспомните тот сон, который посещал почти каждого: внезапное обретение способности летать. Это не столько полет, сколько плавное скольжение в воздушной стихии. Пред-

ставьте себе, что вы плывете под водой, но среда вокруг вас гораздо менее плотная, и вы можете свободно дышать. Именно такое ощущение дарит астероид.

Здесь ваши руки не будут безвольно опускаться по бокам, как на Земле или Луне. Мышечное напряжение будет удерживать их в вытянутом положении, подобно невесомости, но при этом вы сохраните четкое ощущение вертикали. Легкое отталкивание от поверхности позволит вам совершить долгое, медленное и грациозное движение по дуге, если не приложить излишней силы. Магнитные подошвы в таких условиях становятся практически незаменимыми.

Я шел по длинным, светло-зеленым коридорам, следуя за светловолосым Константином. Этот цвет стен вызывал странное ощущение, будто я оказался под водой. Вдоль стен, через равные промежутки, располагались двери. Иногда одна из них открывалась, и из нее выходил мужчина с деловым видом, который, открыв другую дверь, тут же исчезал за ней. Из-за этих дверей доносились приглушенные, неразборчивые звуки. Наконец, мы достигли единственной двери, которая, судя по всему, была деревянной. На никелевом астероиде, где были организованы офисные и жилые помещения, доставка древесины с Земли была бы безумной расточительностью. Дверь, инкрустированная шпоном цвета красного дерева, не имела никакой таблички с именем, да и не было в этом необходимости. Константин прикоснулся к небольшому кругу, вмонтированному в дверной косяк.

– Ты не будешь стучать? – спросил я с легкой иронией.

– Нет. – ответил Константин совершенно спокойно. – Я подаю сигнал. Стук здесь бесполезен. Это всего лишь деревянный шпон, наложенный на стальную плиту толщиной в десять сантиметров.

Дверь открылась, и я вошел.

Передо мной предстало зрелище, не имеющее аналогов. Вся обстановка была выполнена из красного дерева, создавая атмосферу тяжелой роскоши. Центральное место занимал огромный письменный стол в стиле русского барокко, украшенный сложной резьбой и изогнутыми ножками. Два таких же резных стула с обивкой из красной кожи и массивное кресло, способное соперничать с царским тронem по своей искусности и величию, дополняли композицию. Сбоку располагался длинный диван, обтянутый более светлой бордовой тканью. Пол был покрыт ковром невероятной роскоши, бордовым и настолько густым, что в нем запросто мог затеряться домашний питомец. Стены были обшиты панелями из красного дерева и украшены двумя внушительными гобеленами, где преобладали бордовые, фиолетовые и красные оттенки. Книжный шкаф, примыкавший к стене, был до отказа заполнен книгами в темно-красных кожаных переплетах.

Это было все равно что шагнуть внутрь старинного винного погреба или будуар кровавой леди Батори.

Мужчина, сидевший за столом, казался единственным яр-

ким акцентом в этом царстве бордовых оттенков. Его светлый костюм с вишневой подкладкой контрастировал с пунцовым, обвислым лицом. Мелкие фиолетовые прожилки на носу и щеках придавали коже более темный оттенок. У него были волосы соломенного цвета с легкой проседью, но подстрижены они были так коротко, что просвечивала кожа головы, и на фоне всего этого даже волосы казались слегка фиолетовыми.

– Добро пожаловать, господин Зубов – произнес Свято-слав Любомирский.

Я ступил на мягкий бордовый ковер, а помощник Константин бесшумно закрыл за мной дверь, оставляя нас тет-а-тет. Я чувствовал себя не своей тарелке: в своем желтом рабочем комбинезоне я, должно быть, выглядел совершенно неуместно в этом месте. Я занял кресло напротив стола, предварительно пожав его толстую, ухоженную, чуть блестящую от крема руку. Любомирский взял хрустальный графин.

– Не желаете ли крымской мадеры, господин Зубов? Или, быть может, что-то другое? Сам я, признаться, в столь ранний час алкоголь не употребляю, – предложил он.

Я с трудом подавил острое желание попросить рюмку водки и ответил:

– Мадера будет в самый раз, господин Любомирский.

Он наполнил бокал на тонкой ножке вином почти до краев. Я с удовольствием сделал глоток, давая ему время собраться с мыслями. Он наклонился через стол, его малень-

кие темные глаза пристально изучали меня. На его лице было такое выражение, будто он одновременно пытался ухмыльнуться и доброжелательно подмигнуть, но дальше ухмылки дело не шло.

– Господин Зубов, я тщательно изучил вашу биографию – по крайней мере, настолько тщательно, насколько это возможно. Мои советники говорят, что у вас безупречная репутация, что вы всегда доводите дело до конца и редко разочаровываете заказчиков.

Он замолчал, словно ожидая ответа. Я ничего ему не сказал. Через мгновение он продолжил:

– Надеюсь, это правда, Борис, потому что мне придется вам довериться.

Он снова откинулся на спинку стула, не сводя с меня глаз.

– Я редко нравлюсь людям, Борис. Я не из тех, кто вызывает симпатию. Я и не претендую на это. Это не моя задача.

Он сказал это так, словно повторял эту фразу много раз, верил в нее и хотел, чтобы это было не так.

– Я не хочу добиться того, чтобы я вам нравился, – продолжил он.

– Я только хочу того, что бы вы были верным моим интересам на время выполнения этого задания.

Он снова сделал паузу, гипнотизируя меня взглядом

– Мои люди заверили меня, что так и будет. Но я хотел бы получить ваше личное заверение.

– Господин Любомирский, если я берусь за контракт, то

работаю исключительно на заказчика, – ответил я, глядя ему прямо в глаза. – Мои услуги стоят дорого, но, если мы бьем по рукам, я неукоснительно следую договоренностям и не меняю сторону. Так в чем же, собственно, заключается моя работа?

Он нахмурился, вглядываясь в меня:

– Давайте проясним: вы работаете на меня или нет?

– Я смогу ответить, только когда пойму, что именно нужно делать.

Он нахмурился еще сильнее.

– Слушайте, это очень секретное дело. Что будет, если я вам все расскажу, а вы потом откажетесь?

Я снисходительно вздохнул.

– Святослав, прямо сейчас вы платите мне за то, что я вас слушаю. Даже если мы в итоге не сойдёмся по условиям, я всё равно выставлю вам счёт за потраченное время и транспортные расходы. Так что в плане слушания я уже ваш. А если работа мне не понравится, я все забуду. Идет?

Ему явно пришлось не по вкусу моя наглость, но особого выбора у него не было.

– Ладно, – буркнул он, залпом осушил бокал и снова потянулся к графину. Мой фужер при этом оставался почти нетронутым.

– Борис, – начал он, – у меня две проблемы. Одна мелкая, другая – большая. Но я раздул первую, чтобы все в доме думали, что проблема только в ней. Здесь в резиденции счита-

ют, что я позвал вас только из-за этого. То есть, это лишь отвлекающий маневр для истинной проблемы.

– И в чем же заключается большая проблема? – спросил я.

Он снова наклонился вперед. Похоже, это было единственное упражнение, которое он, когда-либо выполнял.

– Вы в курсе, что компания «Космо-Витязь» – одна из космостроительных компаний, контролируемых моей корпорацией «Л-Никель»?

Я молча кивнул. «Космос-Витязь» проектировал и собирал крупнейшие, самые высокотехнологичные орбитальные комплексы в Солнечной системе. Верфи предприятия занимали большую часть астероида Весты – практически всю её территорию, за исключением правительственной резервации. Производство окончательно перенесли на астероиды сразу после того, как горнодобывающие гиганты развернули масштабную добычу редкоземельных металлов на небольших астероидах. Здесь добыча сырья обходились в разы дешевле, а строительство космических кораблей в условиях микрогравитации значительно легче, чем под воздействием силы тяжести Земли.

– Вам известно, что-нибудь об экспериментальных фотонных орбитальных станциях, которые строят на Весте? – спросил Любомирский.

Я лишь пожал плечами.

– Не особо, – признался я. – Я слышал о них, но подробностей не знаю.

Это было не совсем правдой, но я понял, что с Любомирским не стоит раскрывать всех своих карт и выкладывать всё, что знаешь.

– В технических подробностях нет необходимости – сказал Любомирский.

– К тому же я и сам их все не знаю. Суть в том, что «Витязь» стремится создать корабль, столь же легкий в управлении, как обычно аэротакси. Это будет космический корабль с автономным пилотируемым модулем. Грузовые суда, возможно, будут вообще без экипажа, а на пассажирских – максимум один оператор. Представляете, насколько дешевле станут перевозки по Солнечной системе! Представьте, как быстро можно будет доставлять грузы, если такие автономные космические корабли смогут разгоняться с ускорением 30 g?

Было видно, что Любомирского эта идея по-настоящему загля, и дело было не только в деньгах.

– Звучит заманчиво – сказал я. – А в чем тогда проблема?

Его лицо вдруг стало серьезным.

– Космическое бюро Федеральной безопасности подозревает, что кто-то саботирует проект.

– Саботаж? И какого рода? – спросил я.

– Пока они не осведомлены. «Витязь» разработал восемь станций такого типа, которые инженеры классифицировали как «корабли класса Ф-РОС». Несмотря на постоянные доработки и устранение ошибок в каждой последующей моди-

фикации, все они оказались нефункциональными. Ни одна из них не соответствовала требованиям для эксплуатации в космическом пространстве.

– Насколько я понимаю, проблема не связана с неисправностью двигателя или конструктивными дефектами корабля? – уточнил я.

Любомирский презрительно фыркнул.

– Безусловно, нет. Корень проблемы кроется в их мозгах в искусственном интеллекте. Корабли, образно говоря, утратили стабильность. Когда последний из них предпринял попытку погрузиться в поверхность Весты, активировав реверсивный ход, один из специалистов Национального космического центра отметил, что, если дело дойдёт до официального расследования, эксперты по аномалиям ИИ выдадут стандартное заключение: программный суицид, идентичный человеческому самоубийству в состоянии психоза.

– Суицид орбитальной станции? Что за бессмыслица?! – воскликнул я.

– Нет. Это не совсем так. Это неразумно. Мозги этих станций не должны были так себя вести. Искусственный интеллект не может сойти с ума. Для этого нужен внешний триггер – противоречивые директивы, искаженные вводные данные, фатальный логический конфликт и тому подобное. Или если только у них нет реальных дефектов алгоритмов в самих мозгах станции.

– Значит, мозг станции вполне способен автономно

управлять кораблем? – спросил я. – То есть у него есть для этого способности?

– Ну еще бы. Точно такие же алгоритмы сейчас управляют беспилотным движением на Сверхскоростном кольце вокруг Москвы и Питера. Если эта сеть способна контролировать миллионы летящих на автопилоте машин, то с каким–то космическим кораблем она справится и подавно.

– Нет, – сказал я, – наверное, нет. – Я на секунду задумался, а потом спросил: – Но что, по мнению ваших специалистов, вызывает сбой в работе?

– Вот в чем проблема, Борис, – он поджал пухлые губы и прищурился. – Мнения разделились. Некоторые считают, что это просто технический сбой – что в новой версии еще не устранены системные ошибки, но как только это будет сделано, все заработает как часы. Другие говорят, что такие сбои могли возникнуть только в результате преднамеренного вмешательства. А третьи говорят, что нет достаточных доказательств в пользу какой–либо из этих теорий.

– Но вы считаете, что это саботаж?

– Именно, – сказал Любомирский, – и я знаю, кто это делает и зачем.

Я не пытался скрыть своего удивления.

– Вы знаете, кто за этим стоит?

Он быстро замотал головой, отчего его щеки затряслись.

– Я не это имел в виду. Это не один человек, а целая группа.

– Святослав, можете рассказать об этом подробнее?

Он кивнул, и на этот раз его щеки не тряслись, а колыхались.

– В руководстве «Космо–Витязя» консолидировалась группа, которая пытается отодвинуть меня от руля. Они спят и видят, как передают «Витязь» под управление «Звезды». Очевидно, рассчитывают выбить из них контракт пожирнее, чем со мной. Если проект «Ф–РОС» накроется, у них появится железный повод доказать акционерам, что во всем виноват Любомирский. Понимаете, к чему я клоню?

– Пока улавливаю, – ответил я. – Думаете, за этим стоит руководство «Звезды»?

– Трудно сказать, – протянул он. – Всё может быть. Но даже если и так – это вполне законная конкуренция. Имеют право воевать за долю рынка и перебивать клиентов. Я сам им пару раз знатно подгадил.

– Но я не думаю, что верхушка «Звезды» в этом замешана – по крайней мере, всерьез. Всё это слишком похоже на личные счеты со мной, а топ–менеджмент компании до такого не опустится. Понимаете, тут сейчас всё очень зыбко. Не стану лезть в дебри, но вы и сами видите, какая на дворе политическая обстановка. С «Витязем» ведь как устроено: если меня подвинут с кресла гендиректора, то и пара других моих контрактов тут же сгорит. Особенно если всплывет, что я не эффективно руководил или финансировал кредитными деньгами сомнительные проекты.

Эти две компании и так на ладан дышат. Одной я рулю чуть больше года, второй – два года. С тех пор как я пришел, их финансовые показатели значительно выросли, но совет директоров избавится от меня без колебаний, если решит, что я неоправданно рисковал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.